

ВАЛЕРИЙ ГРИБАНОВ,
РЕДАКТОР GUIDE
«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ. ИТОГИ»

ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ

Очередной ПМЭФ завершил свою работу. Главы регионов и руководители корпораций отчитались о баснословных суммах подписанных соглашений — с каждым годом цифры все внушительнее.

Правда, немного настораживает, что нередко потом такие мегапроекты не доходят даже до начальной стадии. Навскидку только по Петербургу таких прожектов на бумаге за последние годы было анонсировано с добрый десяток. Например, четыре года назад городом было объявлено о соглашении с компанией GloraX по реконструкции Апраксина двора. Уже тогда проект выглядел фантастически. Если в нулевые годы структуры Олега Дерипаски, административные возможности которого в разы превышали возможности нового инвестора, не смогли реализовать планы по современному использованию Апрашки, то надеяться, что GloraX сумеет разрулить сложный узел проблем, было слишком оптимистично. Уже через пару лет стало понятно, что и этим замыслам сбыться не суждено.

Сейчас объявлено о новых планах по строительству зоопарка: группа компаний «Сотэкс» обещает построить современный комплекс на 85 га в Приморском районе. На проект со сроками окупаемости явно выше, чем в жилищном секторе, по самым скромным оценкам экспертов, понадобится направить десятки миллиардов рублей. Хочется пожелать новому инвестору успехов в реализации проекта, но немного настораживает, что предыдущие планы по созданию зоопарка в Приморском районе, вынашиваемые властями города с прошлого века, дальше идеи не продвинулись.

Понятно, что ПМЭФ — это, помимо возможности для представителей власти и бизнеса лично встретиться и пообщаться, своего рода ярмарка идей и концепций. Но с каждым годом цифры соглашений растут, а реальных проектов по-прежнему мало.

Для того чтобы мегапланы вызывали у горожан доверие и они бы понимали, ради чего в начале июня им приходится несколько дней стоять в пробках, участникам форума имело бы смысл выносить более тщательно подготовленные проекты. Лучше меньше, да лучше, как сказал один менеджер.

ООН ПОПРОСИЛИ НЕ РАСХОДИТЬСЯ

НА ПЕТЕРБУРГСКОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ УЧАСТНИКИ СЕССИИ «ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ» БУДУЩЕЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТАХ КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ» ПОПЫТАЛИСЬ РЕШИТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ С ООН, КОТОРУЮ МОСКВА КРИТИКУЕТ, НО СЧИТАЕТ ВСЕ РАВНО НЕЗАМЕНИМОЙ. ПОЛИНА ПУЧКОВА

Замминистра иностранных дел РФ Александр Алимов говорил о «разделенной организации», блоковой дисциплине Запада, политизации секретариата, но одновременно настаивал, что выходить из системы России нельзя. Представители самой организации и экспертного сообщества отвечали, что кризис ООН связан не только с бюрократией и дефицитом денег, но и с тем, что мир 2026 года уже не похож на мир 1945-го. Одним из поводов для разговора стала предстоящая смена генерального секретаря ООН: процесс выборов запущен при российском председательстве в Совете безопасности, а имя будущего главы организации должно стать известно в 2026 году.

Модератор Ольга Лебедева, профессор кафедры дипломатии МГИМО, доктор исторических наук, сформулировала вопрос к заместителю министра иностранных дел РФ Александру Алимову почти без дипломатических обходов. ООН, сказала она, сегодня «не критикует только ленивый». Российские спикеры обсуждают «паралич» Совбеза, бюджетные кризисы, громоздкий аппарат, отстраненность от региональных конфликтов. Вопрос был в том, не проще ли России отстаивать интересы без оглядки на классические многосторонние процедуры, если сама повестка приватизируется странами «глобального меньшинства».

Господин Алимов начал с того, что спорить с критикой не стал. «Действительно, я тоже не ленивый человек, давайте покритикуем»,— сказал он. По его словам, у ООН есть и громоздкий бюрократический аппарат, и бюджетный кризис, хотя сообщения о «финансовом коллапсе» он назвал преувеличенными. Название сессии замминистра счел провокационным, при этом небезосновательным. «Сегодня ООН разобщена как никогда»,— отметил спикер. Россия, считает он, работает в «разделенной организации», где многое направлено против нее: от блоковой дисциплины западных стран до ангажированности секретариата.

Особенно господин Алимов прошелся по западному пониманию многосторонности. По его словам, на Западе ее видят как ситуацию, при которой сами западные страны находятся «в кресле управляющего транспортным средством», а остальные следуют в фарватере. Совбез он, однако, отказался признавать полностью парализованным. Скорее, по словам замминистра, он работает в атмосфере острого противостояния, где прежние «джентльменские договоренности» постоянных членов практически исчезли, а публичность заседаний, по его словам, все чаще превращает их в политическое токшоу. «Для выступающего гораздо важнее переострить своего оппонента, как-то его уязвить,— сказал дипломат.— Но задача-то твоя не в этом. Задача твоя — достичь результата».

Из этого следовал один из центральных тезисов дискуссии: критика ООН не означает отказа от нее. Александр Алимов подчеркнул, что никакой односторонности Россия выбирать не должна. «Не-не-не, я зарплаты лишусь, я работы лишусь»,— пошутил он, отвечая на вопрос о гипотетическом отходе от ООН. Серьезный аргумент был следующим. Господин Алимов сказал, что в ООН решаются вопросы, заменить которые нечем: от границ континентального шельфа до легитимности международных санкций. Выйдем мы из ООН — и решения будут приниматься без нас, настаивал он. Устав ООН, добавил замминистра, остается основой международного права, и отказ от него означал бы потерю правовой опоры для внешней политики.

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

ДАЖЕ НЕДОВОЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ГОСУДАРСТВА ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ ГОТОВЫ ОСТАТЬСЯ БЕЗ НЕЕ

Требования к будущему генсеку ООН господин Алимов сформулировал как антипод нынешней ситуации. Это должен быть «зрелый дипломат и политик», желательно понимающий бюрократическую машину международных организаций, но главное — «нейтральный, беспристрастный» человек. Все проблемы, с которыми Россия сталкивается в ООН, он в итоге назвал одновременно проблемами самой организации. Россия, по его уверению, хочет не разрушить ее, а вернуть ей «палитру» разных государств и интересов.

Ответом от самой системы ООН стало выступление генерального директора отделения организации в Женеве Татьяны Валовой. Ее спросили, зачем странам продолжать оплачивать работу международных чиновников в одном из самых дорогих городов мира, если организация переживает кризис недофинансирования. Госпожа Валовая ответила, что дороговизна Женевы относительна: проводить мероприятия там часто дешевле, чем в формально менее дорогих странах, потому что инфраструктура, постоянные представительства и обслуживающий аппарат уже существуют. Перенос сессий, напротив, увеличивает логистические расходы.

Госпожа Валовая напомнила, что мир 2026 года уже не похож на мир 1945-го: цифровая экономика, искусственный интеллект, новые технологические уклады, космос и ресурсы Луны и Марса требуют правил, которых международная система пока не выработала. Поэтому реформу ООН, по ее словам, нельзя сводить к сокращению бюджета и аппарата, хотя бюджет уже сокращался на 15%, а аппарат — на 20%. «Альтернативы ООН нет,— заключила она.— Реформировать ее надо, но не из-за того, что у нас финансовый кризис, а из-за того, что изменился мир».

Директор Института Европы РАН Алексей Громыко предложил посмотреть на кризис ООН без ощущения исторической уникальности. Он напомнил, что первая Генеральная Ассамблея ООН прошла в январе 1946 года в Лондоне, а первые резолюции организации касались атомной энергии, запрещения ядерного оружия и военно-штабного комитета Совбеза. Это, продолжал господин Громыко, показывает, что ООН с самого начала была механизмом предотвращения большой войны, и главная ее задача — не допустить Третьей мировой, прежде всего столкновения постоянных членов Совбеза. Когда все пять стали ядерными державами, этот смысл заиграл по-новому, полагает внук министра иностранных дел СССР Андрея Громыко.

Господин Громыко не согласился с тем, что нынешнее состояние ООН обязательно худшее за всю ее историю. Отличие 2026 года, по его словам, не в исчезновении государства как главного актора, а в том, что число государств и объем повестки выросли кратно. Вместе с этим разрослись бюрократия и бюджет. Следовательно, ООН нужно делать стройнее и дешевле, но не ценой уничтожения ее базовой функции.

Глава региональной делегации Международного комитета Красного Креста в России и Беларуси Рания Машлаб говорила о другом типе международной устойчивости. Модератор представила МККК как структуру, пережившую мировые войны и Лигу Наций, и спросила, в чем секрет ее долговечности. Выступление представителя Красного Креста сводилось к тому, что гуманитарные институты сохраняют работоспособность именно в тех ситуациях, где политический диалог затруднен или невозможен. Для МККК, следовало из ее ответа, ключевыми остаются нейтральность, международное гуманитарное право и практическая работа со сторонами конфликтов.

В конце сессии к дискуссии подключилась Ребека Гринспан, генеральный секретарь ЮНКТАД и кандидат на пост генсека ООН на 2027–2031 годы. Извинившись за опоздание, она начала с вопроса, который ей часто задают: «Где ООН?» Где организация, когда идут войны, заключаются соглашения, строится консенсус, решаются вопросы развития и разрушаются общие договорные рамки? По словам госпожи Гринспан, люди задают этот вопрос не потому, что не хотят существования ООН, а потому что хотят видеть ее эффективной.

В середине выступления она пришла к мысли, что многополярность — не выбор, а факт, а выбором остается многосторонность. Многополярность без многосторонности, предупредила она, ведет к фрагментации, а многополярность вместе с многосторонностью дает шанс на децентрализацию возможностей. ООН, по ее словам, должна научиться лучше коммуницировать, меньше говорить бюрократическим жаргоном, быть стратегичнее и заниматься тем, в чем ее никто не может заменить.

В итоге сессия, начавшаяся с вопросительного знака в названии, закончилась без сенсационного ответа, но с довольно ясным консенсусом. Почти все участники критиковали ООН — за политизацию, дороговизну, неэффективность, бюрократию и неспособность вовремя отвечать на новые вызовы. Но никто из ключевых спикеров не предложил заменить ее чем-то другим, а все решили, что даже недовольные организацией государства по-прежнему не готовы остаться без нее. ■